

Короткие рассказы

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 22 января, 2025

Короткие рассказы КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

■ Война

Девочке шесть лет.

Взгляд ее был окаменевшим.

Посмотрела в окно.

На улице война.

Задернула занавеску.

Тяжелыми шагами подошла к столу. Она, стоя, на белой бумаге неразборчивым почерком написала: “Я ушла. Сообщите мне когда кончится война. Вернусь...”

Девочку мать забрала в далекие края.

Прошло время. Пролетело время. В тех далеких краях появилась могила. На надгробном камне неразборчиво, каракулями было написано: “Я ушла. Сообщите мне когда кончится война. Вернусь...”

■ Колонна

Я постригся. Отец, глядя на мою гладко выбритую голову, тяжело вздохнул.

– Ухожу, говоришь.

– Ухожу, отец.

– Известно куда?

– Известно. Говорят в Афган. А может и нет?

– В недоброй вести лжи не бывает. Значит, отправляешься на войну...

Отец покачал головой. Вздохнул с тяжестью в груди: “Эх, сынок мой, сынок...”. Словно из глубины сердца издал полный отчаяния стон. Прислонился к колонне, не отрывая глаз, остановил на мне застывший взгляд.

– Знаешь, что моего отца убила война, – вымолвил он наконец. – В три года я осиротел. Отец сделал меня сиротой. Но, но, ты,

сынок, не оставляй меня, не позволяй остаться сиротой... – Отец, не выдержав, содгораясь всем телом, зарыдал.

Мои ноги, руки стали словно ватными, обессилев, я опустился на тахту.

Мне казалось, что если бы не колонна, отец рухнул бы на землю, мне казалось, что эта колонна подпирала даже небо над его головой.

Я ушел на войну. Когда я был под прицелом вражеских пуль, в окопах и огне, в ушах неустанно звучала мольба: “...Сынок, не оставляй меня, не позволяй остаться сиротой!..”. И когда лежал в госпитале под скалпелем, вновь звенело в ушах: “Сынок, не оставляй меня, не позволяй остаться сиротой...”.

Перед ужесточенными боями я взывал к Всевышнему с мольбой: “Оо, Аллах, оберегай меня, не дай мне умереть, отец не должен остаться сиротой...”

Я вернулся. Видел одну войну. Отец видел две – одну из-за меня и другую из-за отца. По правде, война не бывает большой или малой. Но одно утешает меня: “Моя война” не позволила осиротеть моему отцу.

Слава Всевышнему, мой отец сегодня жив и в здравии! Долгих ему лет жизни, скоро ему восемьдесят. В нашем дворе до сих пор стоит та колонна. Недавно вокруг нее я выложил мраморную стену в пояс человеческому росту. Это я сделал с мыслью о том, чтобы теперь никто не опирался на колонну. Так как я не посмел снести ее. Ведь она была опорой для моего отца в тяжелый день, и в пору, когда я не мог быть поддержкой ему, она была для отца как сильное сыновье плечо.

■ Время

Косим-бобо умер. Покинул этот бранный мир живой свидетель окончания войны: на похороны собралось все село.

Турди-махсум обмыл покойника.

Махсум вышел во двор. Присел под ивой. Почувствовал душевное страдание. “Ушел из жизни последний боевой аксакал. Покойный, всегда гордился, говоря, что был среди солдат, водрузивших флаг на сердце Берлина”, – вспомнил махсум.

Махсум, забеспокоился, будто забыл что-то в комнате. Полез в карман. На месте. Коробочка для наса на месте. Усопшего понесли на кладбище. Мулла читает заупокойную молитву.

Внезапно... Внезапно в погребальных носилках, где находилось тело покойного, зазвонил мобильный телефон.

Мулла вздрогнул, люди передернулись. Все застыли.

Этот неожиданный звук словно услышали даже мертвецы.

Махсум шарахнулся, будто его ужалил скорпион.

Тогда Холмурод-бобо резко вскочил с места и вскрикнул:

– Люди, Косим-ака, когда поднимался на самолёт, у него всегда так звенели легкие. Это осколки, друзья! Осколки!

Никто не обращал внимания на эти слова. Это было и не к месту. Усопшего похоронили.

■ Кусок хлеба

Пожилой генерал, предвидя приближающийся свой последний день, позвал к себе сына.

– Отец, ты будешь еще долго жить. О чем ты говоришь. Тебе просто не здоровится.

– Послушай меня, сынок...

– Нет, не говори ни слова! Хочешь, переверну весь Воронеж, подниму на ноги Россию, найду хоть из под земли самое редкое лекарство, хочешь, сейчас же полетим за рубеж, вылечим тебя там. Только не говори о смерти, дорогой отец...

Сын, заплакав, опустил на колено. Стал целовать дрожащие руки с каждым часом ослабевающего в постели отца.

– Ты сможешь сделать все что я попрошу, не правда ли? – сказал старик сухими губами и посмотрел на него с мольбой.

– Да, отец, конечно! Скажи. Только... только...

– Мне хочется лепешки из кукурузной муки. Поджаренную в узбекском тандыре, румяную кукурузную лепешку...

Сын посмотрел с изумлением.

– Когда в сорок втором мы лежали в окопах, лейтенант Шарапов вынул его из внутреннего кармана и угостил меня. Очень вкусный, по краям немного подгоревший, но очень душистый,

подсохший, румяный ломтик хлеба. Кукурузный хлеб.

Сын едва сдерживал себя от рыданий. Отец продолжил:

– Есть такая местность – Фергана. Село у подножия гор. На рассвете солнце очень близко приближается к селу. Бурлящая горная речка Оксой разделяет кишлак на две части. Люди не запирают свои дворы на замки. В каждом доме есть тандыр. В каждом доме утром в тандыре разводят огонь и пекут хлеб. Из каждого тандыра вынимают лепешку, подобную солнцу. Вон там чернобровая узбекская девушка-красавица со жгучими как смоль косами закладывает дрова в тандыр. Во дворах на лозе переливаются в лучах солнца и висят от тяжести плодов огромные гроздья винограда. В садах фруктов вдоволь... Эй, Шарапов, это ты дружище!? Столько лет прошло как мы не виделись с тобой. Ого, да ты не изменился. Твоя родина, друг мой, по правде, как в сказке. Ой, да это кукурузная лепешка. Спасибо, брат, что не забыл... Как ты узнал, что мне так хотелось такого хлеба, Шарапов.

Больной генерал будто потерял сознание. Медсестра сделала укол в вену. Укол не подействовал. Старик снова стал бредить, произнося несвязные слова.

– Шарапов, ты очень часто повторял: “Человек может насытиться куском хлеба...”. Ты говоришь правду. Вот ведь я наелся ломтиком хлеба. Однако... Почему люди не понимают этого? Почему люди, зная что могут насытиться куском хлеба, с жадностью пожирают друг друга? Почему воют между собой, Шарапов?! Если бы они понимали это, то на земле царил бы мир, на земле не было бы войны... Хочу чтобы эту знакомую тебе простую истину сегодня осознал весь мир, Шарапов.

Старик приутих. В комнату погрузилась глубокая тишина. Затем он слегка вздрогнул, стал тяжело дышать, поднял угасающий взгляд на стоящего над ним сына.

Сына взяла дрожь. На бледном лице генерала вдруг появилась еле заметная, легкая улыбка. Глубоко вздохнув, грустным и дребезжащим голосом старец сказал:

– Кусок хлеба... Куска хлеба хватит нам всем.

Это были его последние слова.

■ Сапожки

В этой войне сапожки остались без хозяйки.

Женщина отнесла сапожки в угол комнаты и поставила их там.

– Ну-ка отвернись, – с такими словами она приставила сапожки носком к стене.

Сапожки без хозяйки простояли в углу стены четверть часа.

Женщина сжалилась:

– Больше не шали, хорошо?! Она прижала сапожки к груди. Затем поставила их на стул:

– Ну-ка, давай, теперь покушай!..

Женщина долго не отрывала глаз с сапожек. Потом, кажется, что-то вспомнила. Затем... затем... вскрикнув, зарыдала.

Кучкар НАРКАБИЛ. Некаýalar